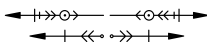

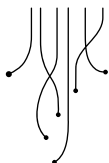

Алена
Савченко

ХАМЕЛЕОНША

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С13

Разработка серийного оформления *О. Закис*

Иллюстрация на переплете *И. Кругловой*

Савченкова, Алена.

С13 Хамелеонша / Алена Савченкова. — Москва : Эксмо, 2022. — 576 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-163788-0

В одном далеком-далеком королевстве жила прекрасная девушка, которую злой брат продал на одну ночь ужасному королю. Вам уже ее жаль? Зря. Таких чудовищ, как я, еще поискать. И вообще-то мой брат самый лучший, король не так ужасен, а красивой называл лишь один мужчина — тот, кем одержима с самого детства. Но это моя история, поэтому рассказываться будет в том порядке и теми словами, как захочу я. Только, открывая ее, имейте в виду: в мои времена «счастливо» у судьбы выгрызали, «долго» не жили, а любовь бывала страшнее ненависти.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Савченкова А., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-163788-0

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Кровь брызнула из перебитого носа, как сок из раздавленного граната.

— Не смей. Приближаться. К моей. Сестре, — выдыхал Людо между ударами, сидя верхом на пареньке лет двенадцати.

Голова противника безвольно моталась по грязи, пока лицо обзаводилось свежими ссадинами.

— Перестань! Да перестань же, Робэн ничего не сделал! — Я попыталась оттащить брата. — Мы просто играли!

Он не глядя оттолкнул меня и продолжил работать кулаками с редкой для своих десяти лет силой.

— Сюда кто-то идёт, прекрати!

Людо врезал в последний раз и откинулся назад, тяжело дыша. Стёр рукавом брызги с подбородка, мотнул головой, и туман начал отступать из глаз, возвращая им природную черноту.

— Эй вы там! Что творите?!

Человек между домами замер, потянул цеп с плеча...

— Скорее, поднимайся, это его отец!

К нам и впрямь направлялся староста деревни, переходя с шага на бег. И ничего хорошего его лицо не сулило... как пить дать прикончит брата: предупреждал ведь после случая с Варином, что больше не спустит, а Робэн без передних зубов и еле дышит.

— Живо на ноги! — прорычала я, дёрнув Людо за шиворот.

Он вскочил, пошатываясь, схватил меня скользкой от своей и чужой крови ладонью и потащил к выходу из деревни.

— погоди, заберём вещи!

— Не успеем.

— Там два денье и мой гребень!

— Украдём новый. Главное, талисманы с собой.

— А дом? Дом для нас и Артура тоже новый украдём?!

Ну, почему ты никогда не можешь сдержаться!

— Заткнись и побежали!

— А ну стойте, зверёньши! — неслоь вслед.

Крепко держась за руки, мы рванули к сельскому тракту.

1

7 ЛЕТ СПУСТЯ

Едва ли эти своды знавали пощёчину звонче. Но леди Йоса снесла тяжесть материнской руки с равнодушием, выдававшим привычку. Лишь потёрла скулу и продолжила безучастно смотреть перед собой прекрасными голубыми очами. Наследница богатейшего рода Венцель, вступившая в шестнадцать зим и поздний брачный возраст, уже вовсю цвела той откровенной чувственностью, что заставляла мужчин сворачивать шеи на турнирах в её честь. Честь, которой больше нет.

Мать и дочь не заметили, как я вошла и застыла подле дверей в смиренной позе.

— Лучше б видеть тебя мёртвой, чем принёсшей позор в дом!

— Вы преувеличиваете, матушка.

— Это ты преувеличила, когда раздвинула ноги перед грумом! А о своих братьях и сёстрах ты подумала в тот момент?!

— Думать о них в такой позе я сочла неуместным. И он был помощником грума.

«Был», потому что теперь его кожа украшает ворота. Если леди Йоса и скорбела по соучастнику во грехе, на свежести лица это никак не отразилось. Её красота канонична: локоны ниспадают на спину пышным белокурым каскадом, блио¹ из голубого шёлка подчёркивает рослую

¹Средневековое нарядное женское платье из дорогих тканей, зачастую было с узкими рукавами, расширяющимися книзу.

стройную фигуру, стопы и кисти рук аккуратны, а шея тонка и изящна.

И я полная её противоположность: невысокая и угловатая. Мы одних лет, но под моим платьем вместо плавных изгибов и положенных выпуклостей — болезненная худоба. Кожа не белая, а бледная. Волосы, пусть длинные и густые, вопреки модным канонам безнадежно черны. В нашем роду у всех такие.

Леди Катарина отвесила дочери новую пощёчину. Замахнулась для следующей, но, заметив меня, медленно опустила руку.

— Порой не верится, что ты вышла из моего чрева.

Ресницы леди Йосы дрогнули в мою сторону, выдавая тщательно скрываемую досаду из-за унижения при посторонней, но тон остался вызывающе-безразличным.

— Вы не одиноки в своём удивлении.

Они действительно разнились настолько, насколько это вообще возможно. Леди Катарина разменяла третий десяток, но смотрелась почти старухой. Не спасала ни косметика, ни платье из дорогой парчи, шлейф которого струился за ней по полу со змеиным шелестом, разметая присыпку из ароматных трав. Только лоб отличался неестественной гладкостью, обязанной тугому энеу¹.

— Мне ты дерзить не боишься. А лично отказать королю, объяснив в утешение свой маленький изъян, смелости бы хватило?

— Его утешили бы пажи, — равнодушно отозвалась та. — Говорят, при дворе они все, как на подбор, смазливы.

Её Светлость наградила дочь ненавидящим взглядом и опустила в кресло-трон с высокой спинкой. Устроив руки на подлокотниках, сделала мне знак приблизиться. Леди Йоса тоже, будто бы нехотя, повернула голову. Любопытство в её лице мешалось с опаской и толикой гадливости.

¹Средневековый женский головной убор. Наиболее распространённый вариант — в виде усечённого конуса.

Стоило подойти, острые золочёные ногти бесцеремонно впились в мой подбородок, повертели лицо. Живот скрутило в узел, но я изо всех сил терпела, чтобы не оттолкнуть руку леди Катарины.

— В тебе нет ничего особенного, — почти разочарованно протянула она, снова откидываясь на спинку. — Если твой брат солгал...

— Людо сказал правду, госпожа, — тихо ответила я. — Мы из рода Морхольт.

Блёкло-голубые глаза прищурились.

— Никого ведь не осталось. Замок давно в руинах, гниёт тухлой рыбой, как и его хозяин со всем выводком.

Потянув за шнурок на шее, я вытащила наружу талисман-покровитель. Существо на нём походило чем-то на ящерицу.

— Мы из побочной ветви, никогда там не жили. Отец был непризнанным бастардом от вилланки, единокровным младшим братом лорда Морхольта. С нами не желали знать-ся, держа в достатке, но тайне. На тот пир нас не позвали...

Поморщившись на «вилланку», леди Катарина выпростала руку и ковырнула потемневшее серебро, этим вечером впервые за много лет коснувшееся моей кожи.

— Бедные родственники, значит?

— Да, госпожа. — Я спрятала талисман обратно и безотчётно прижала ладонью.

— Но всё же проклятая кровь... — задумчиво протянула она. — Родовой дар чуть теплится?

— Дома говорили, что во мне он на удивление силён.

— Дивиться стоит, что он вообще проявился в полукровной ветви. — Заострённые ногти побарабанили по подлокотнику. — И как же вы с братом очутились так далеко от семьи?

— Семьи больше нет, госпожа, остались только мы с Людо. Тому уже год, как Жнец забрал родителей в Скорбные Чертоги, и наследством нам лишь долги...

— И кто же теперь о тебе заботится?

— Брат, госпожа.

— Заботится, торгуя тобой?

Я покраснела и опустила глаза.

— Ну-ну, не смущайся, девочка. — Она с притворной добротой коснулась моей щеки. — Твой брат верно поступил, что открылся мне. Сама Праматерь привела его в ту таверну, как раз когда этот безродный щенок вздумал распускать свой грязный язык...

Ныне вывешенный по соседству с кожей...

— ...А твоя покорность достойна похвал. — Леди Йоса фыркнула, но её мать пропустила это мимо ушей: — Если все так, как говоришь, волноваться не о чем. Одна маленькая услуга, и вы с братом распрощаетесь с нуждой до конца жизни. — Небрежный жест в сторону моей потрёпанной котты. — Но если лжешь... — Пальцы на щеке сжались, втопив ногти в кожу.

— Это правда, госпожа.

— Покажи! — жадно потребовала она.

Я отступила, с облегчением высвобождаясь.

— Мне нужно немного вина или воды.

Леди Катарина молча указала на графин с эгретом. Плеснув в кубок пряного напитка, я отцепила от рукава заранее заготовленную булавку и приблизилась к леди Йосе. Её Светлость состроила гримаску и отодвинулась.

— Что вам угодно?

— Капля вашей крови, миледи.

— Без этого нельзя?

— Живее, — холодно вмешалась её мать. — Пусть лучше это сделает леди Лорелея, чем я.

Вообще-то сгодились бы любая частичка — ногти, волосы, но ими я брезговала. Напиток тоже необязателен, но с ним проще и не так противно. Вместо того чтобы протянуть руку, девушка раздражённо выхватила у меня булавку, помедлила и, закусив губу, кольнула палец. На коже быстро выросла серая бусина. Леди Йоса перевернула ладонь, и капля со шлепком приземлилась в кубок под нашими взглядами. Я осушила его залпом и потянулась вернуть на место, но не успела...

Судорога накатила, как всегда, внезапно, выгнув спину и выбив дыхание. Голова запрокинулась, потолок завер-

телся водоворотом балок, кубок выскользнул из сведённых пальцев и где-то далеко катился по плитам с неестественным грохотом. Мир, а вместе с ним и два потрясённых женских лица, начал осыпаться цветным песком, утопая в жгучей боли. Лава перерождения неслась по телу, опаливая жилы, разрывая мышцы, выламывая кости, переплавляя меня в более совершенную форму. Ноги подкосились, и я со стоном рухнула на четвереньки. В упавшей на лицо завесе смоляных волос потянулись светлые дорожки, множась, пока голова не выцвела целиком.

В процессе «туда» волосы всегда обращаются в последнюю очередь, значит, ещё чуть-чуть потерпеть. Стискивая зубы, царапая пол...

Наконец я обессиленно повалилась на бок, мелко дрожа и обнимая себя за плечи, чувствуя сползающую по подбородку нитку слюны.

Вот отступало это всегда волнами... И всё равно теперь переносить много легче, чем ещё несколько лет назад, когда я теряла сознание во время и после, уже от отдачи.

Никто не шевельнулся, чтобы помочь. Совершенно разные мать и дочь рассматривали меня с абсолютно одинаковым выражением омерзения и восторга. Поднялась я сама, покачиваясь на подламывающихся ногах. Зала перестала кружиться, но тошнота не торопилась отступать.

Я вытянула перед собой руки, поиграв тонкими белыми пальчиками с ухоженными ногтями, оправила котту, ощутимо приподнявшуюся над лодыжками и ставшую тесной в груди, и откинула назад копну белокурых волос.

— Праматерь Покровителей, да вы совсем, как я! — воскликнула леди Йоса, хлопнув в ладоши, и звонко рассмеялась.

* * *

Пока я смотрелась в полированное серебро подноса, леди Йоса и её мать изучали меня. Девушка, не церемонясь, ощупывала мои брови, волосы, тыкала в щёки. Мы

не были похожи на сестёр. Мы были неотличимы. Мне передалась даже тонкая свежая царапина повыше ключицы. Полные груди, высокий чистый голос, нежные, без единой мозоли пальцы... Но чувствовала я себя в чужом теле, даже столь совершенном, как обычно, преме́рзко.

Леди Катарина обошла меня кругом, окидывая придирчивым взглядом, и осталась довольна.

— Сколько держится личина?

— На вечер достанет, госпожа, дольше не проверяла.

— Дольше и не понадобится. Обменяетесь прямо перед праздничным пиром, а сразу после консумации отлучишься из опочивальни под каким-нибудь предлогом, и леди Йоса тебя заменит. А теперь ещё раз посмотри мне в глаза и ответь, — она остановилась напротив, буравя меня своими рыбьими глазами, — тебя касался мужчина? Только не смей лгать, там всё равно проверят. Доводилось слышать про «каменный суд»?

— Да, госпожа. Его проходила моя мать.

Она явно удивилась: ещё бы, каким-то полукровкам камни со Священной горы.

— Что ж, значит, понимаешь, что никакие трюки не пройдут, иначе тебя бы здесь не было.

— Понимаю, госпожа. И я целомудренна.

Складка меж её бровей разгладилась, но тут же вновь пролегла:

— Ты ведь будешь в её теле, а значит...

— Это не тело вашей дочери, лишь его видимость.

Суть осталась моя, я пройду проверку, госпожа.

То был правильный ответ. С учётом всего, что мы с Людо теперь знали, при другом нас бы не выпустили отсюда живыми.

— Значит, решено. Отправляетесь в дорогу завтра. Поедешь в качестве фрейлины и личной камеристки леди Йосы. Скажи... у твоего брата такой же дар?

— Нет, госпожа, это передаётся только по женской линии.

Вспыхнувший было в её глазах огонёк сменился холодной деловитостью.

— Значит, поедешь одна.

— А Людо?

— Дождётся твоего возвращения. Ему там нечего делать.

— Прошу, разрешите ему тоже ехать! — Голос дрогнул. — Мы с братом никогда не разлучались...

Зала колыхнулась от сдерживаемых слёз. Я шмыгнула и опустила голову, по-простолюдински промакивая глаза ладонью.

— Ну же, матушка, такое ценное приобретение, — усмехнулась леди Йоса. — Вы же не хотите, чтобы тоска по брату помешала леди Лорелее радовать моего супруга на брачном ложе?

— Придержи язык, девчонка! Впрочем... — леди Катарина машинально погладила свой талисман-покровитель в виде ласки, — так даже лучше. Что твой брат умеет?

— Чистить оружие, ходить за лошадьми, помогать с надеванием доспеха. Он может что угодно!

— А драться?

— Немного, госпожа.

— Позови его.

Залу, от которой слугам велели держаться подальше, я покинула уже в своём обличье. Голову вело, как после бессонной ночи, ноги заплетались, и приходилось то и дело приваливаться ладонью к стене, чтоб отдышаться. Отдача переносилась бы много легче, не бренчи в желудке пустота. В коридоре недавно пронесли что-то жареное, и повисший в воздухе шлейф сводил с ума. Но последние деньги ушли на средство от вшей.

Людо дожидался меня под присмотром двух рыцарей из личной охраны. Светлобородый развлекался, разбивая носком сапога угли в камине, а второй, тот, что забрал у нас при входе кинжал, трепал борзую. На обоих были хауберки¹ с холщовыми табарами² поперх, сбоку висели

¹Кольчуга с длинными рукавами и подолом, достигавшим колен.

²Короткий плащ, который рыцари носили поперх защитного снаряжения.

поясные мечи. Людо в своей поддоспешной стёганке смотрелся на их фоне совсем тонким и лёгким. Первым услышав мои шаги, он вскинул голову и зачесал назад пятернёй отросшие чёрные кудри. Стражники тоже отвлеклись от своих занятий. Я взяла брата за руки и громко, с радостной улыбкой сообщила:

— Леди Катарина желает тебя видеть!

Он быстро обнял меня, шепнув на ухо:

— Старуха поверила?

— Да, — так же едва слышно ответила я и повела его в зал.

Позади забряцали тяжёлые шаги рыцарей.

2

Её Светлость встретила нас в своём кресле-троне. Леди Йоса теперь стояла одесную¹, очищая для неё ножом яблоко и кидая кожуру на поднос.

Глаза хозяйки замка оценивающе скользнули по Людо. Когда он был в нескольких шагах от кресла, она сделала ему знак остановиться. Брат послушно замер и чуть поклонился:

— Моя госпожа.

Леди Йоса тоже внимательно изучала его, не переставая ловко снимать красную стружку. Её мать непрерывно поглаживала круговыми движениями свой талисман.

— Сестра сказала, что ты умеешь обращаться с оружием.

— Да, но ваши люди забрали мой кинжал при входе.

— Покажи, чего стоишь без него. Марлант, Эйк, — кивнула она рыцарям, — проверьте-ка его.

Те шагнули вперёд, вытаскивая мечи, и ухмыльнулись, когда безоружный Людо попятился. Я до боли прикусила изнутри щеку, а брат пятился и пятился, пока не упёрся в стену, а там светлородый сделал замах и... Людо

¹Устаревшее слово, обозначающее «по правую руку».

уклонился, нырок, пережат креслу, и в следующий миг мелькнувший у него в руках поднос обрушился резным краем на шею Марланта, вырвав вместе с хриплым воплем фонтанчик крови. Он выплеснулся на светлую бороду и парой брызг — на леди Катарину, а Людо уже пнул подоспевшего Эйка в грудь и с разворота всадил ему в разрез кольчуги на бедре фруктовый нож леди Йосы. Рыцарь рухнул, как подкошенный, с воем катаясь по полу и пытаясь выдернуть лезвие, пока Марлант, зажимая шею, полз к выпавшему мечу.

Людо с хрустом впечатал башмак в протянутые пальцы и, наклонившись, подхватил клинок. Описал восьмёрку, восхищённо оглядел от рукояти до острия, и я почти ощутила пронзивший его разряд удовольствия. Глаза вспыхнули, тело шевельнулось, подстраиваясь, и меч заплясал в воздухе, сливаясь с рукой в единое целое... только не это.

— Людо, мне страшно! — жалобно позвала я.

Но он уже не слышал. Не прерывая отточенных, как в танце, движений, загнал пяткой полувыдернутый Эйком нож обратно в бедро и подцепил с пола второй меч, прекрасно лёгший в левую руку. Ещё несколько взмахов, и оба клинка, со свистом рассекая воздух, сошлись на шее рыцаря «ножницами», чтобы...

— Хватит! — раскатилось по залу.

Этот холодный властный голос остановил лезвия в полудюйме от покрытой испариной кожи. Мгновение-другое Людо боролся с собой и наконец опустил руки, разжав пальцы. Мечи со звоном скользнули на пол, а сам он сделал шаг в сторону бледной леди Катарины и припал на одно колено.

— Я лишь исполнял желание Вашей Светлости.

Похоже, она и сама не верила, что он послушается. В широко распахнутых глазах отражалась расплзающаяся перед креслом лужа, в которой, хрипя, ползал Марлант. Леди Катарина поспешно отдёрнула дорогие парчовые туфли. В отдалении точно так же стонал Эйк, а в воздухе витал тяжёлый запах пота и крови.